

**Хулиан дель Касаль
Хосе Марти
Средь сумерек и теней.
Избранные стихотворения
Серия «Звезды зарубежной поэзии»**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4964685*

*Средь сумерек и теней: Избранные стихотворения / Пер. с испанского С. Александровского.:
Водолей; Москва; 2011
ISBN 978-5-91763-073-1*

Аннотация

Хулиан дель Касаль (1863–1893) и Хосе Марти (1853–1895) бесспорно находятся в числе самых выдающихся, повсеместно признанных представителей латиноамериканского модернизма. Наилучшее из достигнутого поэтами-парнасцами Теофилом Готье, Жозе-Мариа де Эредиа, Леконтом де Лилем, а также французскими символистами и романтиками, было ими сознательно использовано и творчески развито. И поныне латиноамериканских модернистов нередко рассматривают как «аристократов духа», поднявших своеобразное творческое восстание против измельчавшего общества, постепенно становившегося равнодушным к прекрасному вообще и к поэзии в частности.

Большая часть произведений, вошедших в эту книгу, переведена на русский язык впервые.

Содержание

От переводчика	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Хулиан дель Касаль, Хосе Марти

Средь сумерек и теней

*Издательство искренне благодарит Юрия Сергеевича Коржа и
Алексея Геннадьевича Малофеева за поддержку настоящего издания*

JULIÁN DEL CASAL
JOSÉ MARTÍ
ENTRE LAS DENSAS SOMBRAS
Poesías escogidas

От переводчика

*Моей жене,
Лилии Александровской -
Переводчик*

*Как вырастают пальмы на песках,
И розы на побережье вод соленых,
Так и стихи возносятся из боли —
Смятенны, огнецветны, благовонны...*

Хосе Марти

Сколько-нибудь обстоятельный разговор о литературном течении, которое возникло под конец XIX столетия и традиционно зовется латиноамериканским модернизмом, вышел бы далеко за рамки нашего небольшого очерка, — но все же необходимо сказать по этому поводу несколько слов.

Считается, что зачинателями и самыми выдающимися представителями этого поэтического движения были никарагуанец Феликс-Рубен-Гарсиа Сармьенто, вошедший в словесность под псевдонимом Рубен Дарио (Ruben Dario), мексиканец Мануэль Гутьеррес Нагера (Manuel Gutierrez Najera) и кубинцы Хулиан дель Касаль и Хосе Марти.

У современного читателя понятие «модернизм» непроизвольно связывается с некими революционными преобразованиями, ломкой старых канонов, сокрушении принятых прежде правил, приемов и обычаев.

Латиноамериканский модернизм был весьма далек от чего-либо подобного. Скорее, в нем возможно видеть сознательное усвоение и «сублимацию» всего наилучшего, достигнутого парнасцами Теофилом Готье, Жозе-Мариа де Эредиа, Леконтом де Лилем, Сюлли-Прюдомом, — а также европейскими романтиками, которым парнасцы в большой степени противопоставляли себя. Также очень много было взято из опыта французских поэтов-символистов.

Речь велась, таким образом, не о том, чтобы попирать былые устои, но лишь о том, чтобы заимствовать блистательный, уже считавшийся классическим опыт, накопленный выдающимися предшественниками и современниками, и творчески переплавить наилучшие их достижения.

Все ниже следующие упоминания «модернизма» относятся исключительно к его строгой, изысканной латиноамериканской разновидности. В сущности, эта поэтическая школа зовется «модернизмом» лишь условно, — лишь оттого, что не слишком точное по смыслу название укоренилось давно и прижилось навсегда.

Первым лириком-модернистом, заявившим о себе на Кубе, зачинатель этого литературного течения Рубен Дарио считал Хулиана дель Касалья. Кубинцы поныне возражают ему, отдавая пальму первенства Хосе Марти, но великий никарагуанец был по-своему совершенно прав, ибо Марти, писавший в чисто модернистском ключе, до конца дней своих оставался изгнанником, известным при жизни только узкому и замкнутому кругу свободомыслящих кубинских ценителей, а стихи Касалья, печатавшиеся на родине, в Гаване, вскоре после того, как бывали написаны, делались общим читательским достоянием.

Этим обстоятельством ничуть не умаляется ни гениальность Хосе Марти, ни ценность его поэтической работы — просто Касаль имел несравненно большее прижизненное воздействие на современников. Некоторые литературоведы склонны считать, что Касаль повлиял —

правда, посмертно, – даже на самого Рубена Дарио, чья книга «*Prosas profanas*», вышедшая через три года после внезапной кончины Касалья, играет новыми экзотическими красками, – видимо, в итоге знакомства с Касалевским «Снегом». Правда, многие находят подобную точку зрения малообоснованной. В частности, Альберто Рокасолано (Alberto Rocasolano) склонен считать, что Касаль и Дарио просто «пили из одного и того же источника – причем пили непосредственно, поскольку оба владели французским языком». Под источником он понимает в первую очередь поэзию Леконта де Лиля, Эредиа и Готье.

Латиноамериканский модернизм – и, в частности, кубинский модернизм, – зовут иногда поэтическим восстанием, которое учинили «аристократы духа», разочарованные в романтической поэзии, но всецело одобрявшие и принимавшие индивидуализм, присущий романтикам. Большинство модернистов были авторами, уставшими от окружавшего общества, почти всецело равнодушными к его заботам – большим и малым.

Это позволило кубинскому литератору и критику Хуану Маринэлью (Juan Marinello) заметить, что Хосе Марти, формально принадлежавший к модернистской школе, стоял как бы и выше нее и чуть поодаль.

Модернизм оказался первым латиноамериканским литературно-художественным движением, сыскавшим всемирную известность. Как образно замечает Альберто Рокасолано, перефразируя слова Макса Энрикеса Уреньи (Max Henríquez Ureña), «наконец-то галеоны возвратились в Испанию груженные нашими духовными сокровищами, – а прежде они доставляли сокровища из Испании к нам».

Настоящий талант – явление редкое. Талант гениальный – куда как большая редкость. А талант, гениальный многосторонне, – «вселенский гений», – редкость и вовсе исключительная.

Именно таким «вселенским гением» и был кубинец Хосе Марти.

Великий политический деятель, неутомимый поборник свободы и справедливости, он оставил по себе добрую, вечную и немеркнущую память в сердцах латиноамериканцев, поныне зовущих Марти «героем, наставником, апостолом, искупителем».

А великий поэт, великий мыслитель, замечательный историк, литературовед, философ, исследователь общественных отношений – всего не перечислить, – Хосе Марти оставил по себе

семьдесят полновесных томов, из них – два тома стихотворений, давно и единодушно признанных классическими.

Кубинский критик Османде Лекайер (Ogsmade Lescayllers) пишет: Марти-поэт еще до Рубена Дарио «проложил путь... модернистскому движению. Однако Марти был гораздо более, нежели модернистом, он был провидцем...»

О литературном творчестве Хосе Марти немецкий писатель Эмиль Людвиг (Emil Ludwig) высказался так: «Сотни афоризмов – изложенных столь могучим и берущим за душу слогом, что можно подумать, будто их создал сам Ницше, – вкрапляются в великолепное собрание его [Марти] сочинений. Будь эти афоризмы переведены с испанского на иные языки – Марти по праву сделался бы духовным вожатым нынешнего мира».

Лучше, пожалуй, не скажешь.

Хосе-Хулиан Марти-и-Перес (Jose Julian Martí y Perez) родился 28 января 1853 года на Кубе, в Гаване. Его семья с трудом сводила концы с концами; Хосе еще не было пятнадцати, когда он уже служил в какой-то столичной конторе младшим бухгалтером, чтобы хоть немного помогать родителям.

Для бухгалтера (даже младшего) четырнадцать лет – весьма юный возраст; но Хосе управлялся со своими обязанностями безупречно. По словам Османде Лекайера, с раннего детства Марти представал «сверходаренным существом – чем-то вроде гения».

Это вовремя заметил выдающийся кубинский поэт и просветитель Рафаэль-Мария де Мендиве (Rafael Maria de Mendive). Он помог подростку получить полное среднее образование и затем устроиться в коллеж.

Еще будучи студентом, Хосе Марти напечатал в гаванских повременных изданиях несколько стихотворений, звавших Кубу к свободе и независимости от испанской короны. Именно поэтому и не удалось ему окончить коллежа: в январе 1869 года, накануне восемнадцатого дня рождения, Марти очутился в тюрьме и держал ответ «за крамолу». Годом позже крамольника приговорили к шести годам каторги. Хрупкий и болезненный Хосе провел в каменоломнях около года, после чего был освобожден из-под стражи и выслан в Испанию.

На испанской земле, буквально через несколько недель после приезда, Марти дописал и отдал в печать свою известную брошюру «Политическая тюрьма на Кубе». По сути дела, это был обоснованный обвинительный акт, разоблачавший злодеяния колониальных властей, их изобретательные зверства, с которыми юноша успел, к сожалению, познакомиться в полной мере. Впоследствии Марти напишет в стихотворении «Pollice verso»:

Да! я влачился – с головой, лишенной
И шляпы, и волос; и с тяжелой цепью
Вокруг лодыжки – горестно влачился
Среди мерзейших гадин; пресмыкался
Среди грехов чернейших и, казалось,
Вокруг меня раздувшиеся черви,
С глазами слизкими, в загнившей бочке,
Средь пакостного тленья жадно вьются!..
<...>

Он, чистокровный испанец, рожденный за океаном, прибыл на землю предков нищим, как церковная мышь, и очень больным человеком. Тюремные издевательства и непосильный труд полностью подорвали и без того некрепкое здоровье молодого поэта. Долгое время привычно считалось, что каторга «наградила» Марти слабым сердцем и слабыми легкими, однако недавние архивные исследования установили: Марти покинул тюремные стены, страдая саркоидозом – ужасным недугом, способным поражать едва ли не все телесные части. О саркоидозе пишут, что «возможность заражения от больного не доказана, однако отмечаются... случаи заболевания, которые можно объяснить... действием неблагоприятных факторов окружающей среды».

Саркоидоз ударил по зрению Марти, по его нервной системе, по сердцу; он вызывал приступы лихорадки, он же отлился 18-летнему юноше болезненной опухолью, мучившей Марти много лет, пока доктор Франсиско Монтес де Ока (Dr. Francisco Montes de Oca) не удалил ее.

Невзирая ни на что, поэт сумел окончить высшее образование при Мадридском и Сарагосском университетах. К 1874 году, когда срок ссылки истек, Марти уже сделался бакалавром и дважды лицензиатом: правоведения и философии.

Он продолжает литературную работу, пишет и публикует книгу о неминуемой кубинской революции, две драмы и другие произведения. Он посещает музеи, студенческие собрания; быстро становится умелым оратором.

Однако находилось время и для «живой жизни», поскольку ничто человеческое не было чуждо молодому и от природы пылкому Хосе. Юноша ходит на дружеские пирушки,

на бои быков, заводит множество знакомств – и встречает свою первую любовь: арагонскую красавицу Бланку Монтальво (Blanca Montalvo). Это она, Бланка, безымянно присутствует в одном из «простых стихотворений»:

Арагон! Ему по праву
В сердце угол отведен:
Там блистает Арагон,
Доблестно стяжавший славу.

Повторяю вновь и вновь:
В дни, когда мне было туго,
Там себе нашел я друга,
Там сыскал свою любовь.
<...>

Второй любовью Марти была знаменитая актриса, танцовщица Росарио Пенья (Rosario Peña). Благодаря ей возник, по словам Османе Лекайера, «один из чудеснейших романсов, существующих на испанском языке»:

А душа моя пустынна,
И больна по вечерам!
Нынче бал. Предстанет нам
Андалузка-балерина.

Тротуар, подъезд, порог.
Флаг – убрать почли за благо.
И прекрасно: возле флага
Пребывать бы я не смог.

Вот она! Явилась ныне
Недоступна и бледна.
Андалузка ли она?
Нет, она сродни богине!
<...>

Затем пришло увлечение другой актрисой, звавшейся Конча Падилья (Concha Padilla) и, кажется, не оставившей по себе никакого «стихотворного следа».

В конце 1874 года, воспользовавшись подложным паспортом, поэт выезжает во Францию и в Париже встречается с Виктором Гюго.

Через некоторое время Хосе Марти отправляется в Мексику, где проводит два с лишним года и женится на Кармен Сайас-Басан (Carmen Zayas-Bazan), дочери кубинских изгнанников. Затем он перебирается в Гватемалу, получает должность преподавателя в одном из тамошних высших учебных заведений, становится сотрудником журнала «Университет» и делается вице-президентом общества «Родина и Свобода».

Большая дружба связала Марти с Марией Гарсиа-Гранадос (Maria Garcia Granados), то ли безвременно скончавшейся впоследствии, то ли покончившей самоубийством. Поэт обессмертил Марию в книге «Простые стихи»:

Расцвети, о небывалый,

Искупительный мотив!
Девушка из Гватемалы,
Ты погибла, полюбив!

Принесли букеты лилий,
Возложили резеду...
Мы тебя похоронили,
Мы оплакали беду.
<...>

31 августа 1878 года Марти возвратился в Гавану. 22 ноября появился на свет его единственный сын, Хосе-Франсиско, ставший известным как «Исмаэлильо»: по названию стихотворной книги, которую четырьмя годами позже издал и посвятил ему отец.

Санхонский Мир, положивший конец Десятилетней войне между Испанией и Кубой, дал поэту возможность получить на родине адвокатскую практику, стать присяжным поверенным; однако уже 25 сентября 1879 года Хосе Марти вновь арестовывают и высылают в Испанию. Впрочем, там он почти сразу же бежит из-под полицейского надзора, пересекает Атлантику и селится в Нью-Йорке.

Однако жизнь во многолюдном и суетливом северо-американском городе начала раздражать Марти; он уехал и попытался осесть на венесуэльской земле, однако вскоре восстановил против себя Антонио Гусмана Бланко (Antonio Guzman Blanco) – грозного тамошнего диктатора. Раздосадованный блистательной статьей поэта о скончавшемся «враге народа», гордом и бесстрашном гуманисте Сесилио Акоста (Cecilio Acosta), правитель в буквальном смысле этого слова потребовал от Марти: «либо немедленно напишите столь же хвалебную статью и по моему адресу – либо сейчас же покиньте страну».

Марти быстро написал и опубликовал прощальное письмо к венесуэльскому народу, а затем взошел на борт первого же судна, отплывавшего в Северо-Американские Соединенные Штаты.

В течение всей своей жизни поэт последовательно отвергал богатство, почести, славу, подчиняясь велениям долга и совести. Бывали случаи, когда незначительная уступка окружающим обстоятельствам принесла бы Марти все земные блага: и почет, и богатство, и положение в обществе. Но он не шел ни на какие уступки:

Уж не стенаю, как бывало ране,
Вкушая боли и бессилья смесь;
Но исцеленье дам всемирной ране,
И долг насущный свой исполню днесь.

Уже не плачу, разводя руками —
Борюсь один! И вот он, мой устав:
Кто одинок – беседует с веками,
И внемлют одинокому, не вняв.

(«Как масло из расколотой лампы...»)

Среди прочих жертв оказалось и семейное счастье: жена, уставшая от его забот обо «всех, кроме своей семьи», покинула его, забрав с собой маленького сына.

Насущным долгом своим Хосе Марти считал всемерную помощь любым и всяким беднякам и страдальцам, сколько ни есть их на белом свете.

Сплошь и рядом подобные утверждения бывают расчетливыми, пустыми словами хитрого, холодного и, в сущности, жестокого себялюбца, ждущего личных выгод при общественных потрясениях. Сплошь и рядом бывают они громогласными словоизвержениями людей глубоко истеричных, неуравновешенных душевно – и едва ли не более опасных во время всяческих переворотов, чем откровенные искатели выгод.

В обоих случаях, сколько-нибудь значительный поэтический дар попросту несовместим с подобной человеческой природой. Среди таких людей встречаются иногда и бойкие, умелые с виду стихотворцы – однако не более того. Литературная история XIX и XX столетий – особенно русская, – изобилует печальными и памятными примерами, о коих всего спокойнее промолчать.

Но Марти оказался незауряден и здесь. Его сострадание к «униженным и оскорбленным» было совершенно естественным свойством, врожденной чертой характера, отлично уживавшейся и сочетавшейся с огромным талантом.

Американские знакомые Хосе Марти часто звали его «святым мирянином» (*lay saint*).

С 1881 года поэт окончательно обосновался в Нью-Йорке, где, за вычетом недолгих отлучек на Ямайку, Сан-Доминго и в Мексику, провел пятнадцать лет, – вплоть до 1895 года, когда он отправился на Кубу, чтобы возглавить вооруженное выступление против испанских колонизаторов.

Ради заработка Марти служил и бухгалтером в крупном торговом доме, и переводчиком в книгоиздательстве «D. Appleton & Company», и сам издавал несколько журналов, среди них – наилучший из когда-либо выходивших в свет на испанском языке журналов для детей: «Золотой Век» (*La Edad de Oro*).

Каждый выпуск «Золотого Века» был от начала до конца – и от первого до последнего номера – написан самим Хосе Марти.

Кроме того, Марти преподавал в нескольких вечерних школах и служил консулом сразу трех латиноамериканских стран: Аргентины, Уругвая и Парагвая.

Стоит особого упоминания то любопытное обстоятельство, что в 1891 году, будучи полномочным уругвайским представителем на заседании Пан-Американской Монетной Комиссии в Вашингтоне, Хосе Марти произнес решающую речь с таким глубоким пониманием дела, что пресловутый вопрос о «биметаллизме» был закрыт и позабыт. Самые пламенные поборники серебряной монеты, знатоки хитрейших финансовых тонкостей, оказались убеждены и побеждены доводами кубинского литератора...

В том же 1891-м публикуются отдельной книгой «Простые стихи» (*Versos sencillos*. New York. Louis Weiss & Co., Impresores) – сорок шесть произведений, написанных одним и тем же стихотворным размером. У иного автора это могло бы выглядеть досадной монотонностью, – но только не у многогранного, изобретательного, тематически неистощимого Хосе Марти, виртуозно владевшего внутриметрическим ритмом.

«Свободные стихи» и несколько других книг и крупных циклов, созданных Марти, при жизни автора оставались преимущественно рукописными; лишь время от времени кое-что из них печатали тогдашние мексиканские и северо-американские журналы.

Но прозу – статьи, заметки, очерки, некрологи, отчеты, обращения, критические эссе и т. д., – эту блистательную прозу, ежедневно и обильно выходившую из-под пера Хосе Марти, можно было встретить едва ли не в каждом номере чуть ли не каждого мало-мальски значительного нью-йоркского журнала.

Нелегко понять, как удавалось человеку, ведущему столь напряженный образ жизни, выкраивать время на обширное и разнообразное чтение, – однако все творчество Марти говорит о почти энциклопедической образованности. Он отлично разбирался во всемирной литературе, истории, философии, музыке, живописи, экономике – в чем угодно.

Марти словно руководствовался замечательными словами, которые Вергилий обратил к изнемогавшему Данте:

«Встань! Победи томленье, нет побед,
Запретных духу, если он не вянет,
Как эта плоть, которой он одет!»

*(«Божественная Комедия». Песнь 24, стихи 52–54. Перевод
Мих. Лозинского)*

Измученный глодавшими тело болезнями, до предела изнуренный, истощенный, ослабевший человек, – не раз и не два говоривший друзьям, что давно уже не страшится смерти, видя в ней избавление, – Марти не только писал: он, в отличие от большинства поэтов, жил, как человек действия – действия, напряженного до предела.

Ибо, ко всему прочему, Хосе Марти, как известно, создал и до самой смерти возглавлял Кубинскую Революционную Партию.

Пусть не смущается читатель этим названием. Различие между «социальной революцией» и «революцией», связанной исключительно с борьбой за независимость родной страны, слишком велико, чтобы мысленно приравнивать Марти к печально прославленным «борцам за общественное переустройство». Мы уверены, что великий кубинец никогда не согласился бы пожать руку Оливеру Кромвелю, Максимилиану Робеспьеру или кому-либо из более поздних истребителей человечества, стремившихся «разрыть весь мир до основания».

Речь велась только о свободе от испанского колониального владычества. «Революцией» такое движение можно звать лишь ради вящего удобства и краткости.

КРП объединила множество кубинских изгнанников, селившихся тогда на атлантическом побережье САСШ, от Бостона до Ки-Уэста, а также на различных Карибских островах. Десятью годами неустанных трудов – с 1882 по 1892 – Марти сплотил эмигрантов, оживил в их сердцах любовь к отечеству. Он дарил надежду отчаявшимся и отвагу малодушным, а наиболее храбрых и способных делал своими ближайшими сотрудниками. Он занимался всесторонней подготовкой восстания, вникал во все большие и малые вопросы, ничего не оставляя без внимания и присмотра, заботясь обо всем, до мельчайших подробностей.

Будучи то и дело прикован к постели, Марти продолжал революционную работу безо всякого снисхождения к себе. Мануэль Педро Гонсалес (Manuel Pedro Gonzalez) пишет: «В конце земного пути он был настолько истощен и хрупок, настолько тонок – почти прозрачен, – что больше походил на призрак, нежели на живое человеческое существо».

Мандельштам говорил: смерть поэта – его последний творческий акт.

Увы, эти слова справедливы лишь в особых, редких случаях и только при соответствующих обстоятельствах – начисто «не-творческая», ужасная гибель самого Мандельштама служит первым тому примером. Но гибель Хосе Марти можно и впрямь рассматривать как последний творческий акт. Более яркого и впечатляющего завершения для подобной жизни и придумать было бы нельзя.

Перед смертью к нему словно вернулись давно и безостановочно убывавшие силы.

Когда в 1895 году наконец-то вспыхнуло столь терпеливо и тщательно готовившееся восстание, Марти переправился на Кубу, возглавил его и 19 мая был убит наповал тремя испанскими пулями в бою при кубинском Двуречье – Dos Rios.

Поэт-подвижник, поэт-боец, поэт-герой и не мог бы желать себе лучшей смерти. Может быть, он искал ее намеренно...

Верхом на белом коне, с револьвером в руке, Хосе Марти внезапно отделился от кубинских шеренг, ринулся вперед, на испанские боевые порядки, сопровождаемый лишь своим адъютантом, – и вылетел из седла, не успев, по-видимому, ни услышать вражеского залпа, ни почувствовать боли. Жизнь была сурова к нему, но смерть оказалась милосердна.

В нескольких странах – на Кубе, в Италии, в Венгрии – поставлены памятники Хосе Марти. Его именем зовется Гаванский Аэропорт. Один из кратеров Меркурия назван в честь Хосе Марти. Начиная с 1953 года, на всех кубинских банкнотах достоинством в один песо гравирован портрет Хосе Марти. У мавзолея Хосе Марти на кладбище Санта-Ифигения в Сантьяго-де-Куба ежечасно сменяется почетный караул...

Но, всего скорее, Марти – в земной жизни бывший человеком очень скромным, – лишь пожал бы плечами, узнав о столь великих посмертных почестях. Самый прекрасный мавзолей для честного борца за свободу, сказал бы он, это благодарное человеческое сердце.

А наилучший памятник любому истинному поэту – нерукотворный...

Одна из работ кубинского литературоведа Синтио Витьера (Cintio Vitier) называется «Касаль как противоположность Марти».

Это во многом верно. По складу своего характера Касаль – отшельник, созерцатель, мечтатель, «иногда католик, иногда монархист и абсолютист, но всегда и неизменно аристократ» (слова Эрнандеса Мийареса – Hernandez Miyares) может и впрямь показаться своеобразным «противовесом» убежденному демократу, неутомимому общественному деятелю Хосе Марти.

Однако, и тот и другой всем сердцем любили Кубу, в поэзии оба шли тропой модернизма, тематика и тональность их произведений совпадают гораздо чаще, нежели иной раз утверждали критики, обстоятельствами вынужденные оглядываться на условия идеологической цензуры.

В кубинской словесности удельный вес Марти и Касаля примерно сопоставим с удельным весом Пушкина и Лермонтова в словесности русской.

Хосе-Хулиан-Эркулано дель Касаль-и-де ла Ластра (Jose Julian Herculano del Casal y de la Lastra) появился на свет в Гаване, 7 ноября 1863 года.

Отец ребенка, Хулиан дель Касаль-Игареда, будучи еще молодым человеком, покинул Испанию и перебрался на тропический остров, надеясь поправить свои денежные дела. Мать, Мария дель Кармен де ла Ластра-и-Оуэнс, возводила свой род к ирландцам, бежавшим на Кубу от религиозных преследований в царствование английской королевы Елизаветы I. Она была дочерью испанского хирурга Антонио де ла Ластры, пересекшего Атлантику в 1826 г., и племянницей тогдашнего архиепископа Севильского, который впоследствии сделался кардиналом.

Мать умерла в 1868-м, когда Касалью едва исполнилось 5 лет, однако поэт вспоминал и оплакивал ее до конца своих недолгих дней.

В том же году разразилась Десятилетняя война с Испанией.

Между 1868 и 1871 гг. колониальные власти проливали креольскую кровь безо всякой пощады. Хосе Марти напишет в одном из «простых стихотворений»:

Враг насытился вполне:
Встал пожар над каждым домом;
Город полн ружейным громом
При тропической луне.

Никому не быть живым,
Если в дом вошел испанец!
Как угрюмый темный глянecь,
Стынет кровь по мостовым.
<...>

(XXVII. «Враг насытился вполне...»)

Казалось бы, чему возможно удивиться во время подобной войны? Однако вся Гавана содрогнулась от возмущения и гнева, когда 6 января 1869 года офицер-испанец застрелил известного всему городу и всеми любимого храбреца Тирсо Васкеса лишь потому, что юноша недостаточно быстро посторонился перед ним на улице. Офицер остался безнаказанным.

Хулиану исполнилось девять лет, когда в ноябре 1871 г., прямо на Эспланаде Ла-Пунта, прилюдно расстреляли нескольких студентов-медиков, якобы осквернивших урну с прахом журналиста, который при жизни восхвалял испанское владычество. Впечатление, оставленное этой казнью, оказалось таким, что много лет спустя Касаль – ни в малой мере не бывший «гражданским поэтом», – напишет:

Младая кровь быстра и горяча...
Вы повредили вражеской гордыне,
Вы разбудили злобу в исполине —
И сделались добычей палача.

Ваш скорбный крик о помощи, звуча,
Что голос вопиющего в пустыне,
Уже умолк. А родина доньне
Внимает свист испанского бича!

(«Расстрелянным студентам»)

Война продолжалась и бушевала. Неудивительно, что островная промышленность и сельское хозяйство начали быстро хиреть. 14 июля 1871 года две маленьких сахароварни, принадлежавшие Касаль-отцу и его компаньону Гутьерресу, обанкротились. Былое семейное благосостояние начало приходить в упадок.

Впрочем, денег оставалось еще достаточно, чтобы определить Касаля-сына в Королевский Коллеж Белэн – католическую иезуитскую школу. Альберто Рокасолано пишет, что это произошло в 1870 году, а ссылающийся на записи в школьном архиве Эмилио де Армас (Emilio de Armas) приводит иную дату, выглядящую гораздо более надежной: 29 сентября 1873 г.

Учили отцы-иезуиты очень хорошо и питомцев отнюдь не угнетали, но мальчику, вырванному из привычной, тихой домашней обстановки, на первых порах, видимо, пришлось нелегко. Герой одного из Касалевских рассказов говорит: «... [я] не понимал того, что слушал, чувствуя лишь непрестанную сиротскую печаль, тоску по умершей матери: ведь материнская любовь – единственное, чего по-настоящему жаждешь в этом возрасте».

Видимо, и строгие монашеские облачения католических преподавателей изрядно пугали робкого, впечатлительного Хулиана – впоследствии он напишет:

Я в детстве черную видеть рясу
Не мог без страха. О, злая сила!
Веселью, играм, забавам, плясу —

Беспечной воле она грозила.

<...>

(«Ряса»)

Все же, со временем Хулиан понял, что страшился попусту: когда уже взрослого Касалья спрашивали, не иезуитский ли коллеж наградил его столь меланхолическим душевным складом, поэт неизменно отвечал: «вы ошибаетесь; и представить себе нельзя людей более дружелюбных и жизнерадостных, чем наши тамошние наставники».

Из коллежа Касаль вынес глубокое знание классической литературы. Помимо Священного Писания, внимательно читали Гомера, Анакреона, Пиндара, Феокрита, великих древнегреческих трагиков; штудировали Цицерона и Горация, Вергилия и Катулла, Овидия, Тибулла, Проперция...

Касаль получил степень бакалавра и покинул коллеж то ли в 1879 то ли в 1880 году – разные источники говорят по-разному.

Положение семейных дел было к тому времени таким, что Хулиану пришлось немедленно подыскивать себе службу. В 1881 году начинающий литератор становится интендантским письмоводителем.

Почти одновременно, 13 февраля 1881 г., в еженедельнике «Эль-Энсайо» (*El Ensayo*), ведавшем вопросами «науки, искусства и литературы», появляется «Слез» («¡Una lagrima!») – первое из напечатанных Касалем стихотворений.

Касаль начал изучать правоведение в Гаванском Университете, но покинул его стены, успешно окончивши второй курс.

В 1885 году умер отец поэта, дон Хулиан дель Касаль-Игареда. После этого Хулиан то и дело жил в самой настоящей нищете, но переносил ее стоически, принимал спокойно и даже равнодушно.

С юности своей Касаль был довольно замкнутым и нелюдимым человеком. Редкие приступы жизнерадостности – быть может, притворной, – вряд ли могли обманывать знакомых и друзей. Этому давали множество различных объяснений.

В частности, Эмилио де Армас пишет, что Касаль жил и писал, постоянно «правя свою ладью против течения». Тогдашняя Гавана была преимущественно мещанским городом, утопавшим в бюрократии. Чувствуя живейшее омерзение к окружающему обществу, поэт был вынужден ежедневно соприкасаться с ним ради хлеба насущного, служить мелким чиновником среди тех самых буржуа, отгородиться от которых он стремился всей душой.

Раймундо Кабрера вспоминал: «...Однажды мы [с Касалем] случайно встретились за столом у приятеля. Поболтали, посмеялись и, между прочим, поговорили о бедности, преследующей студентов и поэтов.

– А я нынче богат, – сообщил Касаль и предъявил наличный свой капитал: серебряную монетку достоинством в двадцать центаво».

Днем Хулиан кое-как зарабатывал на жизнь, с отвращением разбирая и переписывая служебные бумаги, а ночью работал по-настоящему: писал стихи.

Он завел знакомства с видными представителями тогдашней кубинской словесности и стал часто печатать стихи и статьи в крупнейших столичных журналах «*El Figaro*» и «*La Habana Elegante*».

Под конец 1886 года Касаль сумел разжиться кое-какими деньгами и ненадолго уплыл в Испанию. Скорее всего, ему помогли сестра Кармелина и ее муж, совершавшие на том же судне, «Шато-Марго», свадебное путешествие.

<...>

Вернусь ли? Я не знаю... Словно льдины,
Которые корабль разносят в щепы,
Тоска и боль берут меня в тиски.

Мне все равно. Мне все края едины —
Родной ли, чуждый ли — глухие склепы.
И не избыть ни боли, ни тоски!

(«В море»)

Отбыл Касаль 5 ноября – и уже в январе возвратился домой, со множеством ярких европейских впечатлений, однако утомленный до предела и без гроша в кармане. Родные места не показались путешественнику особо радостными. Позднее, в 1890-м, Касаль напишет:

Как галеон, не сдавшийся корсарам,
В родную гавань по морским просторам
Влачит нутро тяжелое, в котором
Нет исчисления слиткам и товарам,

И якорь отдает на рейде старом,
Не привечаем ни единым взором —
Безлюден край, чумным объятый мором,
И некому владеть несметным даром, —

Так, возвратясь от чуждых побережий,
Ты, преисполненный мечтою свежей,
Воспламенял бы души для борьбы —

Но срамом лютым родина объята,
И правят ею алчущие злата,
И служат ей убогие рабы.

(«Некому герою»)

Повторим: Хулиан дель Касаль никогда не был «гражданским поэтом». И, чтобы вынудить к подобным стихам человека, родившегося и жившего меланхоличным отшельником, чуравшегося и сторонившегося всякой «общественной деятельности», окружающие должны были постараться на славу...

Он посвятил этот сонет «бронзовому титану», кубинскому генералу Антонио Масео, с которым познакомился в июле 1890-го.

Незадолго до этого, в мае месяце, выпита из печати его первая книга, озаглавленная «Листы по ветру» («*Nojas al viento*»). Критические отзывы были весьма благожелательны.

Вполне безукоризненным этот сборник не назовешь, и все же он очень быстро и заслуженно стал известен за пределами Кубы, за океаном; поэту прислала поздравление знаменитая испанская писательница Эмилия Пардо Базан (*Emilia Pardo Bazan*).

Конечно, даже у самых талантливых поэтов первые книги, если они изданы в литературной молодости, очень редко бывают в надлежащей степени зрелыми. «Листы по ветру» не составили полного исключения из этого правила, но в них вошло много по-настоящему прекрасных стихов, а творческий облик автора обозначился вполне ясно.

Касаль – один из самых печальных творцов не только в кубинской, но и во всемирной словесности. О темах одиночества, смерти и неизбывной тоски в его произведениях написаны многочисленные филологические труды.

Впрочем, стихи лучше всего говорят о себе сами, делая дополнительные подробные толкования излишними. Даже начисто не знакомый с Касалевской биографией читатель чувствует: беззаботной радости Хулиану доставалось немного и являлась она отнюдь не часто.

Любовная тема тоже окрашена глубокой грустью, по-настоящему «безоблачных» стихотворений о любви в Касалевских книгах нет. Эмилио де Армас пишет, что личная жизнь Касалья во многом остается почти непроницаемой загадкой для исследователей – за вычетом, конечно, длившегося года полтора злополучного романа с Хуаной Борреро. Судя по всему, назвать эту жизнь сколько-нибудь счастливой нельзя.

Вероятно, играло свою роль и то, что здоровье поэта никогда не было особенно крепким, а после двадцатилетнего рубежа оно, вероятно, сдавало не по дням, а по часам.

В следующем, 1891 году, Касаль выпускает в свет вторую, главную свою поэтическую книгу «Снег» («Nieve»).

В отличие от «Листов по ветру», бывших именно *сборником* стихотворений разрозненных, почти ничем и никак между собою не связанных, «Снег» целостен композиционно, здесь перед читателем крепко собранная воедино *книга* стихов – как понимали книгу стихов парнасцы и символисты, оказавшие на Касалья плодотворное и разностороннее влияние.

«Снег» состоит из пяти отделов, согласно тематике либо тональности произведений. То, что в «Листах по ветру» было еще только полновесным залогом грядущих успехов, стало во второй книге блистательным свершением. Возможно, поэтому, наряду с восторженными отзывами слышались и упреки. Автора звали «декадентом», привносящим в кубинскую словесность «явно чужеродные веяния». Всего скорее, дело сводилось либо к обычному критическому раздражению перед книгой великой и непривычной, либо к старой, как мир, литературной зависти.

Но когда Поль Верлэн, хорошо владевший испанским языком, прислал Энрике Эрнандесу Мийаресу письмо, в котором отозвался о второй книге Касалья как о великом поэтическом достижении, этот отзыв немедля опубликовала «*La Habana Elegante*» – и зоилы получили такую оплеуху, что раздраженные голоса притихли разом.

А потом и великий французский художник Гюстав Моро, прочитавший «Снег» с неподдельным восторгом, письменно поблагодарил кубинского поэта за стихотворный цикл «Мой придуманный музей. Десять картин Гюстава Моро».

Так, в одночасье, к автору «Снега» явилась настоящая слава.

Увы, сам автор, давно уже маявшийся туберкулезом, чувствовал себя все хуже и хуже. Ему трудно дышалось, болела грудь, мучил сухой кашель. Началась перемежающаяся лихорадка.

Невзирая на это, Касаль продолжал работать, пополняя третью свою книгу: «Бюсты и рифмы» («Bustos y rímas»). В ней было два отдела – прозаический («Бюсты») и стихотворный («Рифмы»).

Летом 1892 года Испания торжественно праздновала 400-летие Колумбовых открытий.

Рубен Дарио, которому надлежало участвовать в этих торжествах как официальному представителю Никарагуа, проездом посетил Кубу и сошел на берег в Гаванском порту.

Творчество Дарио было известно Касалю с 1887 года, в ноябре 1891-го он опубликовал превосходную статью о великом никарагуанце и посвятил ему вошедшее в книгу «Снег» стихотворение «*La reina de la sombra*». 27 июля 1892 года везший Рубена Дарио пароход «Мек-

сика» ошвартовался у гаванской портовой пристани и поэты встретились в доме Рикардо дель Монте.

Три дня бродили они вместе по улицам столицы и в эти три дня успели сделаться настоящими друзьями. Литературоведы склонны полагать, что загадочный незнакомец из Касалевских «Страниц жизни» – это не кто иной, как Рубен Дарио. Ночная беседа на корме плывущего корабля, конечно, авторская вольность, – но сама суть беседы, возможно, взята Касалем из долгих разговоров с никарагуанцем. А разговоры эти значили для кубинского поэта очень много:

<...>

Неугомонный дух! Из края в край
Он кочевал, слуга своих видений...
Страшился бездны и стремился в рай
Мой собеседник, странствовавший гений.

Я вспоминаю про него с тоской.
И в памяти моей текут поныне
Слова его – сверкающей рекой,
Что путнику мерещится в пустыне.
<...>

Впоследствии Рубен Дарио написал о Хулиане дель Касале, среди прочего, так: «Душа его была мягкой и женственной; по-детски доверчивой и чуткой; хрупкой, точно хрусталь».

3 ноября 1892 года Хуана Борреро, возлюбленная Хулиана дель Касаля, записала в своем дневнике: «Нынче я заставила страдать человека поистине великого». Женщина, к которой Касаль, по-видимому, был привязан всей душой, сказала Хулиану, что между ними все кончено.

После разрыва с Хуаной Борреро состояние поэта стало ухудшаться катастрофически. Уже 24 декабря 1892 года, в Сочельник, на званом ужине у знакомого, Касаля настиг сильнейший приступ лихорадки. Хозяева дома предлагали гостю остаться у них на ночлег, но Касаль отказался. Кто-то отдал больному свое пальто; Касаль закутался в него и вышел на улицу...

Страдая душой и телом, сознавая, что жить остается уже совсем недолго, поэт не прекращал работы над книгой «Бюсты и рифмы». Он в буквальном смысле этого слова работал «на износ».

Именно тогда очнулись и воспрянули притихшие было завистники и зоилы. Вышла в свет невероятно злобная брошюра, сочиненная третьеразрядным гаванским борзописцем. Сочинитель звал Касаля «шарлатаном-рифмачом», попрекал «сатанинской гордыней», «тщеславием» и винил во всех возможных литературных грехах. Глупость и вульгарность околелитературного негодяя, которого пишущий эти строки намеренно оставляет безымянным, дабы лишить его геростратовой славы хотя бы среди русских читателей, были очевидны любому постороннему человеку; но сам предмет его ненависти – недужный, измученный и обессиленный поэт, – принял этот пасквиль близко к сердцу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.